

С Т А Т Ь И

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2006. № 3

О. Т. Молчанова

ПРОПРИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ В СВЕТЕ КОГНИТИВИЗМА

Among many theoretical issues facing onomastic studies in this paper I pointed to one and made an attempt to consider it on the basis of one of the Turkic languages. Thus, the paper is concerned with the application of some concepts and findings of cognitive linguistics to a variety of onomastic tasks. The idea of treating proper names on the basis of a different approach was prompted in particular by the recent growth of cognitive semantics dealing with the multiformity of the meaning of human experience conceptualised in language.

Многие лингвисты, психологи и философы сходятся во мнении, что во взаимодействии между языком и объективным физическим миром существует промежуточный уровень, называемый когнитивным, природа которого стала относительно недавно предметом серьезного изучения, а также темой многочисленных споров, как внутри-, так и междисциплинарных.

Современные теории языка отвергают формальную семантику на том основании, что в ней игнорируется человеческий фактор. Сторонники когнитивной семантики утверждают, что язык вплетен в познавательную деятельность, а такие ее составляющие, как опыт, понимание и воображение, необходимы не только для осмысления языка как такового, но и для развития теории языка.

Теория когнитивной семантики пользуется перечисленными ниже познавательными схемами из мира восприятия: 1) база, профиль; 2) сканирование; 3) точка наблюдения; 4) распределение внимания; 5) силовая динамика; 6) барьер [см.: Albertazzi, 2000, 125]. Самыми фундаментальными являются схемы 1 и 2.

Для того чтобы ввести познание в процесс имяназвания, нам нужны дополнительные интерпретирующие операции, предложенные психологами [см.: Croft, Wood, 2000, 57]. Они могут быть представлены как:

1. Внимание (выделенность): а) селекция (включая метонимию), б) масштабная адаптация (абстрагирование), в) схематизация, г) суммарное или последовательное сканирование, д) профилирование.

II. Суждение (сравнение): а) фигура/фон, б) метафора, в) категоризация.

III. Расположение (перспектива): а) точка наблюдения (наблюдательный пункт и ориентация), б) дейксис, в) общий фон и эмпатия, г) субъективность/объективность.

IV. Построение (*Gestalt*): а) сущность/взаимосвязанность; б) структурная схематизация (границы, внутренняя взаимосвязанность, дистрибуция и т. д.); в) силовая динамика (сила, сопротивление и т. д.).

Из всех перечисленных составляющих когнитивной деятельности остановимся на процессах, лежащих в основе номинации. Это прежде всего распределение внимания, включающее в себя способ фиксации на месте действия (в том числе уровень, центр, переключение, фокус обозрения). Внимание выражается в степени активации концептуальных структур в неврологической сетевой модели сознания. Оно считается сложной психической способностью: например, в фокусе внимания может быть один либо другой объект. Фокус внимания предполагает селективное обозрение: можно бегло осмотреть место действия в целом, но можно и в деталях; можно задержать взгляд на месте действия, можно просто пробежать по нему глазами [см.: Croft, 2004, 46–47]. Хотя в целом феномен внимания исходит из когнитивных способностей человека, существуют также свойства окружающего мира, которые усиливают притягательность для людей определенных отличительных черт объектов. Это привлечение внимания к каким-то чертам объекта чрезвычайно важно для выбора как мотивирующих признаков объектов, так и соответствующих лексем для их обозначения, результатом чего становится номинация, нарицательная и проприальная. Геераертс различает 7 основных случаев лексикологической выделенности или «зацепки» внимания (это то, что более всего притягивает наше внимание): 1) перспективная выделенность, 2) парадигматическая семасиологическая выделенность, 3) синтагматическая семасиологическая выделенность, 4) формальная ономасиологическая выделенность, 5) глобальная категориальная ономасиологическая выделенность, 6) локальная категориальная ономасиологическая выделенность, 7) структурная выделенность [см.: Geeraerts, 2000, 94]. Среди перечисленных наиболее интересной для нас является формальная ономасиологическая выделенность (4), которая предполагает как предпочтения, отдающиеся одной отдельно взятой черте по сравнению с другими характерными признаками объекта, так и предпочтения в пользу тех лексических единиц, которые выбираются в качестве основы номинации.

Считается, что знание о пространственном положении объекта – это информация о его форме, размере и структуре частей. О признании за объектом статуса такового свидетельствует наделение его именем. Наричательное имя, данное объекту, – это базовый уровень категоризации. На этом уровне объекты в пределах объединяющей их категории обладают общими чертами, которые отсутствуют у объектов другой категории. В частности, все объекты на базовом уровне обладают некоей усредненной формой, которую можно рассматривать как прототипическую.

Психологи, занимающиеся визуальным распознаванием объектов, указывают, что структура объекта – расположение краев, верхних точек, поверхностей и частей в пространстве – является первостепенной при установлении идентичности объекта на том уровне, который чаще всего используется при номинации. Доступ к информации о структуре, особенно же о форме, лежит в основе процесса визуальной идентификации объекта. Для категоризации объекта люди выбирают атрибуты из замкнутого перечня: все черты

объекта предсказуемы в силу его принадлежности именно к данной категории. Такими атрибутами могут быть твердость, текстура, вес, температура, размер, форма, строение каждой части и ее движение. Часть осознается как секция объекта, независимо от любых параметров, воспринимаемых человеком, таких, например, как форма. Форма, размер и строение частей определяются на базовом уровне, другие атрибуты, используемые для идентификации объектов, обнаруживаются в первую очередь на дополнительном уровне, хотя их можно ожидать и на базовом. В общем, информация о структуре важна для установления нарицательного имени объекта [см.: Klatzky, Kederman, 1993, 191–193].

Широко известно, что из всех черт объекта лингвистически закодированными оказываются те, которые максимально дифференцируют этот объект среди всех других объектов, независимо от того, воспринимаются ли данные черты непосредственно или опосредованно. Как указывают психологи, «вертикальность» по отношению к «горизонтальности» играет главенствующую роль в идентификации черт, приковывающих («цепляющих») внимание. Например, человек из своей вертикальной позиции выделяет объекты как с вертикальной (водопады, возвышенности, горы, холмы и т. п.), так и с горизонтальной (болота, долины, котловины, овраги, озера, реки и т. д.) ориентацией. При фиксации в алтайских топонимах вертикальной и горизонтальной протяженности (длина, ширина, высота) наибольшую частотность приобретают следующие признаки (даны в порядке убывания их частотности в топонимиконе Горного Алтая, представленном в качестве базы данных 3 143 географическими именами)¹: узкий₄, широкий₂, длинный/долгий₁₀, высокий₁₁, вытянутый₃, низкий₃, короткий₂.

Можно сказать «здесь», «вон там», «сзади», «перед холмом», «налево по мере того, как вы продвигаетесь к центру», «задняя часть горы» и т. п., когда мы размещаем объекты и ситуации в пространстве. Каждое из этих выражений имеет различную степень уточненности в кодировании референтов в пространстве. Уточненность включает в себя взвешенную релевантность постигаемых элементов ситуации для говорящего. «Здесь» имеет самую низкую степень уточненности, потому что говорящий рассматривает свое знание позиции просто как адекватную информацию о расположении в пространстве названного объекта и целиком опирается скорее на подтекст, чем на сложную лингвистическую специфику.

В самой природе человека заложена способность локализации одних объектов по отношению к другим. Можно проследить за локализацией физических объектов на психофизиологическом уровне и описать лингвистически только с обращением к другим, смежным с ними объектам. Известно также, что само взаимное размещение объектов включает в себя признание некоторого рода асимметрии между объектом, который мы хотим локализовать, и другим, относительно которого мы локализуем первый. Мы можем установить асимметричность размера, сдерживания, поддержки, ориентации, порядка, направления, расстояния, движения или их всех, вместе взятых. Так, возможно пространственное соотношение между поляной и горой, когда поляна расположена на горе. Как правило, горы по размеру больше полян, что соответствует условиям асимметрии и позволяет локализовать поляну.

При описании асимметричных отношений между объектами в пространственной ситуации Талми заимствовал из *Gestalt*-психологии термины «фигура» и «фон» для обо-

¹ Для упрощения восприятия материала алтайские названия в статье даются в русском переводе.

значения объекта, который должен быть локализован (фигура), и объекта референции (фон) [Talmy, 2000; см. также: Svorou, 1994]. В литературе предлагались и другие термины: *locans vs. locatum*, *trajectory vs. landmark* [Langacker, 1987; см.: Svorou, 1994], *relans vs. relatum* и т. д. [Svorou, 1994, 9].

Лингвистически пространственное соотношение двух объектов может быть описано разнообразными способами, каждый из которых реализуется через конструкцию пространственного размещения, предложенную говорящим. При этом фон обычно воспринимается как соотношение статичных объектов, а фигура локализуется по отношению к фону. Описание основывается на представлении пространственных отношений объектов с ближайшим окружением, а от него – с другими объектами.

Важным является также определение понятия внешнего пространства для какого-то конкретного объекта. Например, в понятие «остров» включается площадь водного пространства, которая должна окружать массу суши с тем, чтобы последняя могла называться *островом*. Многие объекты рассматриваются как имеющие внешнее пространство. Так, горы, деревья и даже люди взаимодействуют с другими объектами через свои внешние границы; поля, континенты и страны обычно трактуются не как имеющие пространство, а скорее как сами пространства. Физические границы таких объектов являются также границами обычного взаимодействия людей с ними.

Иного рода объекты (озера, пруды, города, здания, комнаты, пещеры, дворы, телефонные будки и т. п.) в силу своих физических и функциональных характеристик могут восприниматься двояким образом: во-первых, как внутренние пространства, поскольку люди осуществляют различного рода деятельность в пределах их границ, т. е. эти объекты выполняют функцию контейнеров; во-вторых, как имеющие внешнее пространство, поскольку такого рода объекты могут взаимодействовать с людьми за пределами своего внутреннего пространства.

Локализация объекта по отношению к другим объектам, имеющим внутреннее пространство, допускает взаимоотношения двоякого рода: когда фигура включается во внутреннее пространство фона и когда локализуется за его пределами. Таким образом, объекты, имеющие внутреннее пространство, могут быть использованы как объекты референции для локализации других объектов в их внутреннем или внешнем пространстве.

Существует несколько способов локализации объектов по отношению к внешнему пространству фона. Каждый представляет тот или иной параметр деления внешнего пространства на части. Одним из таких параметров является расстояние, отделяющее фигуру от внешнего пространства фона. Оно может варьировать от контакта фигуры с фоном (при этом фигура находится в пределах расширенного пространства фона) до нахождения ее на значительном расстоянии от фона. Таким образом, по отношению к расстоянию общее пространство объекта может рассматриваться как ближайшее и отдаленное.

Людей интересует описание не только локализации предметов в окружающей среде, но и ориентации движения предметов в пространстве. Движение в пространстве воспринимается как имеющее направленность. Восприятие направленности движения всегда связано с фоном, относительно которого это движение фиксируется. Движение – это восприятие периодических изменений пространственных отношений, таких как локализация, топология и форма объектов, а также изменение угла зрения при наблюдении за объектами. Например, асимметрия возникает от подвижности корабля по отношению к неподвижной гавани. Именно такого рода асиммет-

рия присутствует во всех ситуациях движения по отношению к стабильной окружающей среде. Движущиеся объекты являются центром внимания и основным предметом дискурса. Тот факт, что движение осознается через восприятие, указывает на существование пункта наблюдения, который дает точку отсчета для определения направленности движения объекта. Таким образом, под направленностью мы понимаем путь, предоставляемый нашими познавательными системами. Объекты направляются к нам или удаляются от нас в зависимости от того, воспринимаем ли мы их как постоянно меняющую позицию в пространстве от нас или к нам.

То, как движение описывается лингвистически, отражает, с одной стороны, релятивистский, зависящий от перспективы способ восприятия движения, а с другой – различные степени детализации, которые включаются в описание. Таким образом, описание движения от отправной точки до конечного пункта имеет более низкую степень специфичности, чем описание самого пути, и даже еще более низкую, чем разговор о самом пути и конечном пункте или об отправной точке и пути. В более детальных описаниях отправная точка и конечный пункт всегда упоминаются, что свидетельствует об их базовом характере.

Реки обладают природной направленностью, определяемой потоком воды; холмы тоже имеют направленность за счет своей асимметрии вдоль вертикальной оси, а также за счет направления движения для достижения конечных точек (вершины и основания).

Выделяя в объектах мотивирующий признак «расположение в пространстве», человек, как правило, сопоставляет объекты друг с другом, исключая себя, т. е. ориентация обращена к окружающим предметам, будучи отторгнута от самого человека. Так, алтайцы при указании на расположение объекта в пространстве вводят в географические имена следующие семантические признаки: *верхний*₈₅ (в основном о географических реалиях с горизонтальным расположением), *нижний*₇₄, *средний*₂₃, *между*₂₃, *противоположный*₇, *задний*₆, *отдельный*₄, *ближний*₂, *правый*₂, *северный*₂, *в истоке*₁, *внизу*₁, *крайний*₁, *левый*₁, *против*₁, *один за другим*₁.

Эстетика механики подчеркивает роль точек, линий, углов при восприятии какой-то целостности с тенденцией к перпендикулярности и прямоугольности фигур в визуальном пространстве, о чем свидетельствуют оптические иллюзии. Углы считаются сильно притягивающими факторами. Сама по себе форма оказывается существенной отличительной чертой объекта, поскольку при ее изменении наступают радикальные изменения самого объекта.

Предполагается, что мы имеем дело с трехмерными объектами, удерживая как двухмерные их абстрактные образы (это было одним из утверждений *Gestalt*-психологии). Поскольку мы воспринимаем форму объектов не только визуально, но и осязательно, можно утверждать, что информация, которую мы получаем, обусловлена тем, как мы знакомимся с объектами посредством разных каналов восприятия. Представление о форме объектов, помимо того, что мы видим или касаемся их, может быть получено и тогда, когда мы сами физически перемещаемся вдоль границ объектов или обозреваем их. Конфигурация объектов, заданная природой, представляет их как симметричные и асимметричные [см.: Svorou, 1994, 18].

Симметричные объекты, такие как шары, не имеют никаких разграничительных частей на своей поверхности. Асимметричные объекты, напротив, могут быть разделены на несколько частей. Асимметрии рек, например, размещаются вдоль горизонталь-

ной оси, а потому у них есть верх (исток) и низ (устье). Если асимметрии размещаются вдоль вертикальной оси, то тоже можно сказать, что объекты имеют верх и низ (например, горы, холмы), если же их асимметрии размещаются еще и горизонтально, то это происходит вдоль оси «перед – зад» и/или лево-правой оси. У лингвистов и психологов деревья считаются классическим примером предметов только с одной асимметричной осью (верх – низ).

В географических именах алтайцев оказались зафиксированными следующие атрибуты категории формы: *сжатый*₂₉, *куцый*₂₀, *отвесный*₂₀, *крутой*₁₉, *обрывистый*₁₇, *тупой*₁₄, *плоский*₁₃, *кривой*₁₁, *круглый*₁₁, *прямой*₁₀, *продолговатый*₉, *извилистый*₇, *изогнутый*₇, *острый*₇, *стройный*₇, *висячий*₆, *мешковатый*₆, *торчащий*₆, *бесхвостый*₅, *загнутый*₅, *конусообразный*₅, *разветвляющийся*₅, *растопырившийся*₅, *согнутый*₅, *шарообразный*₅, *широко раскрытый*₅, *вонзенный*₄, *воткнутый*₄, *вывороченный*₄, *косой*₄, *остроконечный*₄, *слоистый*₄, *вытянутый*₃, *кособокий*₃, *лохматый*₃, *покосившийся*₃, *прямолинейный*₃, *вздутый*₂, *кургузый*₂, *переплетенный*₂, *пологий*₂, *пышный*₂, *прижатый*₂, *раздутый*₂, *растопыренный*₂, *скрученный*₂, *выпаченный*₁, *дугообразный*₁, *зигзагообразный*₁, *извивающийся*₁, *клинообразный*₁, *комоль*₁, *крючкообразный*₁, *летающий*₁, *навьюченный*₁, *наклоненный*₁, *обрезанный*₁, *однобокий*₁, *петлеобразный*₁, *придавленный*₁, *приземистый*₁, *пушистый*₁, *разветвленный*₁, *раскинувшийся*₁, *ровный*₁, *сдавленный*₁, *спрессованный*₁.

Категория формы, представленная в топонимии Горного Алтая многочисленными атрибутами, расширяется за счет включения в процесс проприальной номинации антропоморфных переносов.

Интересны антропоморфные пространственные параллели в непроприальном употреблении. Например, расположение лица относительно тела и его коммуникативная значимость соответствуют расположению и функции передних частей объектов. Как правило, это та часть объекта, с которой человек сталкивается при взаимодействии (например, передняя часть телефонного аппарата – это часть, где расположено приспособление для набора цифр). Для обозначения переда используются лексемы *глаз*, *грудь*, *лоб* и т. д. Такого рода деление является крайне важным по своей функции: обычно мы взаимодействуем друг с другом лицом к лицу, а не спиной к спине.

Показательно, что термины, используемые для обозначения спины четвероногого животного, могут переноситься на верхнюю часть объектов. Подобное происходит не только потому, что спина, наряду с головой, является самой высокой частью тела животного, но и потому, что с точки зрения восприятия она оказывается функционально самой привлекающей наше внимание, поскольку некоторые четвероногие домашние животные используются человеком для ношения тяжестей на спинах.

Перечислим названия частей тела и внутренних органов человека, участвующие проприальной номинации алтайцев, обращенной к географической среде. Это *макушка головы*₅₆, *внутренности*₃₄, *голова*₂₈, *поясница*₁₈, *зад/задняя часть*₁₇, *бровь*₁₅, *стопа*₁₅, *спина*₁₄, *лысина*₁₂, *туловище*₁₁, *кишка*₁₀, *грудь*₉, *сердце*₉, *предплечье*₇, *ухо*₇, *плечо*₆, *промежуток/перепонка между пальцами*₆, *шея*₆, *рот*₅, *женская грудь*₄, *пуп*₄, *ребро*₄, *борода*₃, *лоб*₃, *глаз*₂, *локоть*₂, *нога*₂, *подмышка*₂, *ягодица*₂, *артерия*₁, *безымянный палец*₁, *висок*₁, *голень*₁, *зуб*₁, *коленная чашечка*₁, *легкие*₁, *лопатка*₁, *мужская коса*₁, *нос*₁, *щека*₁ и *язык*₁. Кроме того, в алтайских топонимах присутствуют названия частей тела животных: *грива у лошади/загривок*₄, *рога*₄, *волос из гривы или хвоста лошади*₂, *нижняя*

часть передней ноги лошади₂, хвост₂, волосы/шерсть/мелкие перья₁, горб верблюда₁, задняя часть шеи животного₁, копыто₁, малый желудок₁, сычуг₁.

Часть перечисленных единиц в их метафорическом переосмыслении приобрела статус географических терминов. Таковыми являются алтайские *арка* 'спина; северная сторона горы, покрытая лесом; лес на горе'; *арт* 'зад, задняя часть; задняя часть перевала хребта, а также то, что находится за перевалом и хребтом; сам перевал'; *баиш* 'голова; вершина горы, начало; верховье, исток реки, озера'; *бел* 'спина, поясница, талия; седловина; широкий и низкий перевал в горах; сглаженная невысокая возвышенность'; *бут* 'нога, стопа; отрог горного хребта'; *жал* 'грива; насыпь, вал'; *ярек* 'сердце; маленькая округленная сопка'; *ийин* 'плечо; речка; рукав'; *кабак* 'бровь; вытянутая в длину возвышенность с пологими склонами и ровной вершинной поверхностью, которая по своей вытянутости в длину лишь немного уступает основанию'; *кабырга* 'ребро, бок; косогор'; *калжан* 'лысина; куполовидная вершина средневысокой горы'; *каш* 'бровь; окраина; рубез; опушка леса'; *кис* 'глаз; отверстие, углубление, дыра'; *кулак* 'ухо; ответвление оросительного канала; ответвление арыка'; *мицин* 'кишка, которая имеет свое дно, свой конец; глубокое место на реке (затон, омут); глубокая протока с очень медленным течением, соединяющая два озера или озеро с рекой'; *мурун* 'нос; мыс'; *оос* 'рот; устье'; *орой* 'макушка; вершина, самая высшая точка'; *изик* 'внутренность, нутро, желудок, пищевод; лог, долина, низина'; *салаа* 'промежуток, перепонка между пальцами; рукав, разветвление реки в устье или истоке; приток (реки)'; *сын* 'рост, стан, туловище, спина; хребет горный, его гребневая линия'; *тас* 'лысина; голая вершина горы'; *тибци* 'макушка головы, темя; вершина горы; небольшое возвышение; холм, пригорок'; *тичи* 'грудь; низина, низменное место; склон, скат горы'; *чоку* 'макушка головы; вершина высокой горы'; *шенек* 'локоть; мыс; выступ горы'.

Во всех перечисленных выше случаях перенос лексической единицы, изначально обозначавшей часть тела человека, осуществлялся не только с опорой на ассоциации по форме, но и по функциональной нагрузке. Единицы, не получившие статуса географических терминов, указывают на форму реалий и могут быть интерпретированы как «похожий на безымянный палец», «как лопатка», «напоминающий лоб», «похожий на коленную чашечку» и т. п. В проприальной номинации для данной категории наиболее задействованной оказывается самая верхняя часть географического объекта, для обозначения которой используется несколько лексем: *орой*, *тибци* и *чоку*.

Если учитывать меронимические соотношения единиц, представляющих части тела в алтайской топонимии, следует отметить, что наибольшее количество приходится на группу «Туловище» (*поясница₁₈, зад/задняя часть₁₇, спина₁₄, грудь₉, предплечье₇, плечо₆, шея₆, женская грудь₄, пуп₄, ребро₄, подмышка₂, ягодница₂, лопатка₁*), далее следуют «Лицо» (*бровь₁₅; рот₅; зуб₁, язык₁; борода₃; лоб₃; глаз₂; нос₁; щека₁*), «Голова» (*макушка головы₅₆, лысина₁₂, ухо₇, висок₁, мужская коса₁*), «Внутренности» (*кишка₁₀, сердце₉, артерия₁, легкие₁*), «Нога» (*стопа₁₅, голень₁, коленная чашечка₁*), «Рука» (*промежуток/перепонка между пальцами₆, локоть₂, безымянный палец₁*).

С точки зрения осевой пространственной ориентации, закрепленной в географических именах алтайцев, преобладает верх, ассоциируемый с головой и ее частями, за ним следует передняя сторона, ассоциируемая с лицом и его частями, а также некоторыми частями туловища, последнее место занимает задняя сторона, ассоциируемая с некото-

рыми частями туловища. Примечательно участие в географических именах названий внутренних органов, соотносящихся с понятием внутреннего пространства.

По сравнению с категорией формы категория размера в топонимии алтайцев представлена небольшим числом атрибутов, среди которых наиболее частотным оказывается *большой*₁₂₁; отмечены также *малый*₆₃, *маленький*₂₃, *тесный*₂₀, *тонкий*₁₆, *просторный*₉, *низкий*₃, *крупный*₂, *обширный*₂ и *толстый*₂.

Не менее важное, чем форма, место в проприальной номинации алтайцев занимает цвет. Известно, что восприятие цвета является функцией центральной нервной системы, связанной с корой головного мозга. Все цвета, как чистые, так и составные, обладают четкими характеристиками, выводимыми из их положения в цветовом пространстве. Цвета характеризуются насыщенностью и тоном. Одна и та же максимальная насыщенность существует для всех чистых цветов, однако не все насыщенные чистые цвета одного и того же тона (красный и желтый, например, ярче, чем зеленый и голубой). Помимо насыщенности и тона, цвета обладают еще одним свойством: существуют теплые и холодные их тональности. Желто-красные цвета передают теплую тональность (например, огонь, солнце), тогда как зелено-синие цвета – холодную (например, снег, вода, листья). Эти качества оказываются эмотивными. Морфогенетически их относят к первичным, поскольку они обладают способностью наделять поверхности дополнительными качествами: более отдаленные объекты реально кажутся холоднее, чем те, что ближе к нам. То же самое происходит с непрозрачными предметами по сравнению с прозрачными. Смешанные цвета, близкие к наблюдателю, создают впечатление большей непроницаемости на фоне других цветов. Более того, цвета могут быть сгруппированы по полярности или контрасту: теплые – холодные, прозрачные – непрозрачные, успокаивающие – возбуждающие, близкие – отдаленные, легкие – тяжелые, влажные – сухие и т. д. В этом смысле цвета наделены динамикой.

Анализ восприятия цвета показывает, что цвета образуют непрерывное разнообразие; это поле, где каждый элемент неотделим от другого – того, который непосредственно к нему примыкает, – и непохож на все остальные.

Первое разграничение вещественности объектов задается светотенью: контраст является первой ступенью в индивидуализации объектов, он образует границу, на которой может появиться цвет. В терминах феноменологии граница – это профиль самого воспринимаемого объекта, а также его частей, который в той мере, в какой он отмежеван и очерчен по отношению к фону, проявляет некоторые из характерных свойств объекта, таких как форма, связанность и индивидуальность. Цвет, который мы воспринимаем на поверхности, в значительной степени независим от длины волны света, отраженного поверхностью, и от его интенсивности. Считается, что цвет обрабатывается глазом, а воспринимается разумом.

Как указывалось выше, в алтайских географических именах особое место занимает категория цвета, представленная 25 атрибутами. Все они являются высокочастотными единицами, общее же количество имен с цветовыми компонентами в алтайском топонимиконе составляет более 14 %. Наиболее репрезентативной оказалась категория чистых черных цветов (*кара*, *бараан* и *караһуй*), затем идут категории чистых белых цветов (*ак*), желтых цветов (*сары*, *куба*, *куу*, *алтын*, *чибит* и *булан*), красных цветов (*кызыл* и *күреһ*), синих цветов (*көк*, *чаһкыр*), серых цветов (*боро*, *сур*, *буурыл*, *кер*, *чал*, *кула*), смешанных цветов (*ала*, *өлө* и *чоокыр*) и промежуточных цветов (*јеерен* и *коһыр*).

Ведущий атрибут цветовой категории в алтайском языке многозначен. Прилагательное *кара*, наиболее частотное в топонимах, может обозначать ‘черный; обильный; родниковый, питающийся подземными водами, иногда прозрачный; густой; с густым (часто хвойным) лесом’. *Ак* – вторая по частотности тополексема, реализует в географических именах следующие значения: ‘белый; мутно-белый, ледниковый; чистый, хороший, пресный, текущий, проточный; голый, лишенный растительности, леса’. *Сары* в гидронимах представлено всеми оттенками желтого (‘совершенно желтый, желтоватый, рыжий, палевый, желто-бурый, бежевый, бледный, соловый, сероватый’), а также нецветовыми обозначениями – ‘весенний, снеговой, талый, песочный, мутный, илистый’; в именах неводных объектов *сары* реализует значения ‘степной, сухой, выгоревший’. Какие-то дополнительные оттенки *кызыл* в алтайской топонимии не обнаруживаются, оно неизменно выступает со значениями ‘красный, ярко-оранжевый, красновато-рыжий, кирпично-красный, бурый’. Будучи, по-видимому, тесно связанным с др.-тюрк. *көк* ‘небо’, анализируемое прилагательное сохранило свои старые качества цветообозначения – ‘небесный, небесно-голубой’, а также ‘синий, синеватый, отливающий голубым цветом, светло-синий, темно-синий, сине-зеленый, купоросный, сизый, зеленый; возвышенный, славный, величественный и др.’. *Боро* в алтайских географических именах могло иметь значения ‘серый, сероватый, серый с оттенками белого, черного, желтого тонов; темно-серый с сединою (о масти) = сивый; бурый’; *ала* – ‘разноцветный, пестрый, испещренный пятнами, пегий, с крапинками, чубарый, пятнистый; разномастный’, в оронимах может приобрести дополнительное значение ‘снежный’, *јеерен* – ‘рыжий, каштановый; красно-желтый; коричневый’.

Алтайские географические термины в составе топонимов проявляют определенную избирательность к цветовым атрибутам. Так, *айры* ‘приток реки; река; маленький ручей’ в основном употребляется с прил. *ак* и *кара*²; *ачык* ‘открытое место, поляна’ – с *сары*; *баиш* ‘верховье, исток реки, озера; вершина горы, начало’ – с *куу*, *көк*, *ак*; *бел* ‘седловина; широкий и низкий перевал в горах; сглаженная невысокая возвышенность’ – с *сары* и *кара*; *боом* ‘узкое место между горой и рекой, где пролегает дорога; скалистый обрыв; крутой обрывистый берег’ – с *ак*; *ярык* ‘трещина в земле, теснина, ущелье’ – с *кара*; *юл* ‘дорога, путь, след, тропа’ – с *ак*; *юл* ‘река’ – с *кара* и *сары*; *кайа* ‘скала, утес’ – с *ак*, *кара*, *кызыл*, *куу* и *көк*; *кат* ‘твердый складчатый грунт, поверхность’ – с *кызыл*; *кем* ‘река’ – с *кара* и *ак*; *кобы* ‘лог, ложбина, лощина’ – с *сары*, *ак*, *булан*, *кара*; *коол* ‘речное русло; река’ – с *ак*, *кара*, *бараан*, *сары*; *көл* ‘озеро’ – с *көк*, *ак*, *кара*, *сары*; *куjur* ‘солонцовый грунт земли, солончак, солонец’ – с *кара*, *кызыл*; *ой* ‘низина, котловина, впадина’ – с *ак*; *ойык* ‘котловина, лог, углубление на вершине горы’ – с *кара*, *кызыл*; *өздөк* ‘лог, долина, низина’ – с *кара*, *көк*, *сары*, *ак*; *өздөн* ‘протока’ – с *сары*; *салаа* ‘рукав, разветвление реки в устье или истоке; приток реки’ – с *ак*; *сас* ‘болото’ – с *ак*, *кара*, *сары*; *суу* ‘вода; река’ – с *кара*, *көк*, *ак*, *сары*; *суугаиш* ‘маленькая речка’ – с *ак*, *боро*, *кара*; *тайга* ‘снежное высокогорье; гора, покрытая лесом’ – с *ак*, *буурыл*, *кара*, *кызыл*; *таиш* ‘камень, гора, сопка, возвышенность, сложенные из твердых пород с их обнажениями’ – с *кара*, *ак*, *кызыл*, *алтын*, *куу*; *туу* ‘высокая гора’ – с *ак*, *кара*, *алтын* и т. д.

² Прилагательные перечислены в порядке убывания количества образований с ними.

Возможно, что такая избирательность объясняется физико-географическими особенностями самих реалий. Помимо этого, интерес представляет анализ восприятия цвета более высоких реалий по сравнению с низкими – см., например, выше атрибутивную сочетаемость терминов *туу*, *таш*, *кайа* и *тайга*. Некрупные орообъекты в топонимии оказываются окрашенными более пестрой гаммой цветов, указывающих и на цвет породы, – мотив, отсутствующий в номинации высоких гор, для которых предпочтение отдается указанию на снежный покров или лес, а также хвалебным эпитетам. Для водных объектов с цветовым компонентом в имени ведущим атрибутом оказывается не столько цвет воды, сколько признак «прозрачный/непрозрачный».

В тесной связи с вопросом о том, какие отличительные черты географических объектов привлекают к себе внимание и затем фиксируются в топонимах, находится вопрос об этнолингвистической специфике данного процесса. Например, предпочтение русских в выборе мотивирующего признака для проприальной номинации видны в том, что они обращают внимание на: 1) естественные свойства земной поверхности (28,6 %); 2) форму (9 %); 3) расположение в пространстве (6 %); 4) виды растительности (5 %); 4) размер (3 %); 6) отличительные черты животного мира (3 %); 7) цвет (2,6 %, более всего белый, черный и красный); 8) экономическую деятельность людей (2,5 %) [см.: Ковалева, 1973, 65]. Общие черты английских рек, учитывавшиеся при их наименовании, – извилистость, быстрота, сила, производимые звуки, длина, прозрачность, цвет, положительные и отрицательные характеристики [см.: Ekwall, 1929, LL].

Интересно восприятие человеком количества. Известно, что наше внимание цепляется за нечет, к тому же человек четко дифференцирует количество от 1 до 7. Все то, что выходит за пределы 7, теряет свое цифровое обозначение (если не присутствует счет) и воспринимается как «много», «сравнительно много», «бессчетно много» и т. п. Именно поэтому цифра 7 во многих культурах считается магической. Счетные слова присутствуют в 4,07 % географических названий Горного Алтая с преобладанием нечета, т. е. 3, 5, 7, но не единицы. Естественно, что такие имена принадлежат узкой сфере референции. Особую роль при имянаречении играют понятия «пара», «парой», «двойной», «сдвоенный, расположенный по два». Они обладают повышенной кодируемостью в именах, ибо больше, чем другие квантификативы, притягивают наше внимание, особенно в сравнении с лексемами, обозначающими 'один' или 'единичный'.

Восприятие объекта как фигуры связано с относительно более детальным анализом информации по сравнению с восприятием объекта как фона. Для того чтобы понять, что за объект находится в поле внимания, индивид должен не просто отделить его от фона, объединить элементы в некоторый целостный образ, но и отнести этот образ к определенной категории, к типу или виду объектов, ранее опознанных и воспринятых.

Семантисты рассматривают различия в масштабной адаптации в рамках мелкозернистой (*fine-grained*) и крупнозернистой (*coarse-grained*) концептуализации человеческого познания, например, *стул – мебель*. На уровне топонимов это может выглядеть как корреляция между топографическим термином, используемым для обозначения целостного природного объекта (реки, озера, лога, перевала, долины, оврага и т. п.), и лексической единицей, служащей для наименования той характерной черты объекта, которая приковывает к себе внимание человека. Выделенный атрибут является частью единого концепта, представленного топографическим объектом и соответствующим ему термином.

Его можно рассматривать как абстрагирующую масштабную адаптацию, основанную, например, на визуальном восприятии объекта как интегрированного целого. Так, в континууме алтайских географических имен крупнозернистая концептуализация включает 126 топографических терминов в качестве компонентов более чем 50 % названий, данных элементам рельефа на этой территории.

Существует два вида сканирования: одно – последовательное, когда внимание сосредоточено на переходе от одной ситуации к другой; второе – добавляющее, при котором все события рассматриваются как сосуществующие и одновременные. Процесс сканирования связан с профилированием, которое, как нам удалось обнаружить, имеет прямое отношение к номинации. Среди огромного многообразия терминов, используемых для описания процесса, мы будем придерживаться двух – «база» и «профиль». Под профилем подразумевается обозначаемая сущность, а под базой – такая часть места действия, которая требуется для характеристики данной сущности. Профилируемая сущность в нашем случае – это географический объект, который нужно назвать и который должен быть когнитивно цепляющим для носителя языка. База располагается за профилем и служит неким контекстом референции, необходимым для характеристики профиля. Как правило, база исключается из проприальной номинации и только профиль наделяется именем, например: *Светлый ручей*, *Крутой перевал*, *Соленое озеро* и др. В некоторых случаях (их незначительное число) база может быть включена в проприальное обозначение, например: *Долина Голубого озера*, *Острая вершина Красной горы*.

Еще одной концептуальной операцией является метафора, которая включает в себя отношение между источником прямого значения языковой единицы и метафорическим его переосмыслением. Когнитивные лингвисты считают метафору фундаментальным способом концептуализации и стержнем семантической структуры слова [см.: Langacker, 2000, 27]. Алтайские топонимы могут служить существенным доказательством этому, так как одна треть всех однословных топонимов построена на основе метафорических ассоциаций и сравнения, например: *айрууи* ‘вилы; вилообразный’ → похожий на вилы > р. *Айрууи*; *антыра* ‘ящик, сундук’ → похожий на сундук > г. *Антыра*; *аражан* ‘водка из молока’ → напоминающий водку из молока > р. *Аражан*; *баарчык* ‘скворец’ → маленький, поющий > р. *Баарчык*; *боошкон* ‘ставшая стельной, жеребой’ → напоминающий стельную корову или кобылицу > р. *Боошкон*; *боскун* ‘бродяга’ → меняющий свое усло > р. *Боскун* и мн. др. (см. также выше антропоморфные метафоры).

В данной статье подняты лишь некоторые вопросы взаимодействия окружающего мира и человека, его воспринимающего, связи этого восприятия с категоризацией, в которую вплетается номинация как апеллятивная, так и проприальная.

Ковалева Н. Б. Русская топонимика бассейна реки Ини (семантический анализ). Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1973.

Albertazzi L. Directions and perspective points in spatial perception // Meaning and Cognition / Ed. by L. Albertazzi. Amsterdam; Philadelphia, 2000.

Croft W. Conceptualization and construal operations // Croft W. & Cruse D. Cognitive Linguistics. Cambridge, 2004.

- Croft W., Wood E.* Construal operations in linguistics and artificial intelligence // *Meaning and Cognition* / Ed. by L. Albertazzi. Amsterdam; Philadelphia, 2000.
- Ekwall E.* English river names. Oxford, 1928.
- Geeraerts D.* Salience phenomena in the lexicon. A typology // *Meaning and Cognition* / Ed. by L. Albertazzi. Amsterdam; Philadelphia, 2000.
- Klatzky R. L., Kederman S. J.* Spatial and non-spatial avenues to object recognition by the human haptic system // *Spatial Representation. Problems in Philosophy and Psychology* / Ed. by N. Eilan, R. McCarthy, B. Brewer. Oxford; Cambridge, 1993.
- Langacker R.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford, 1987.
- Langacker R.* Why a mind is necessary. Conceptualisation, grammar and linguistic semantics // *Meaning and Cognition* / Ed. by L. Albertazzi. Amsterdam; Philadelphia, 2000.
- Svorou Soteria.* The Grammar of Space. Amsterdam; Philadelphia, 1994.
- Talmy L.* Toward a Cognitive Semantics. Concept Structuring System. Vol. 1. Typology and Process in Concept Structuring. Vol. 2. A Bradford Book. Cambridge; L., 2000.

* * *

Ольга Тихоновна Молчанова – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Щецинского университета (Польша).